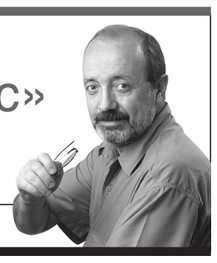
РОССИЙСКИЙ ФОНД ПОМОЩИ/www.rusfond.ru

Сколиоз, пиар и «Макдональдс»



Лев Амбиндер
руководитель Российского фонда помощи

Комментаторская колонка под заголовком «Беспорочное сердце-2» на странице фонда в „Ъ“ от 30 сентября вызвала непривычно много откликов. Мы в фонде посчитали, что тему надо продолжить. Речь, напомню, шла об эффективности и эффектности, как заметил один из читателей, ваших, уважаемые друзья, пожертвований авторам писем в Российский фонд помощи (РФП). То есть о спасении больных детей и о медицинском «дорогостое», не предусмотренном госбюджетом, о благотворительности и пиаре. Нам задали много вопросов — от конкретных вроде справки о здоровье читательских «крестников» до вполне сакраментальных типа «стоит ли делать пиар на благотворительности?».

Ъ Проект «Беспорочное сердце» начат публикацией в „Ъ“ (см. номер от 10 декабря 2004 года) и служит для сбора средств на операции в Томском кардиоцентре РАМН для детей с врожденными пороками сердца. РФП применил собственную технологию совместных даров: еще до публикации письма с просьбой об оплате операции РФП при помощи постоянного донор-партнера снижает для читателей цену спасения, тем самым увеличивая число участников акции. Донор-партнером стал фонд «Русский дар жизни» (Нью-Йорк, США). В результате за десять месяцев собрано $494 тыс. Этот опыт заинтересовал калифорнийских кардиологов, и они предложили внедрить в Томске новейшие хирургические методики. Этот проект назван «Беспорочное сердце-2».

Сначала о наболевших вопросах. Пятеро сирот из Бийского дома ребенка: Андреи Алексеев и Соболев, Кристина Голомедова, Алена Фликова и Кирюша Селин, о чьих больных сердцах мы рассказывали вам, доставлены в Томск томскими же врачами, на этой неделе успешно прооперированы, и самое страшное уже позади. И еще новость: Владивосток, Кызыл и Якутск приглашают наших томских партнеров-кардиологов прибыть и диагностировать проблемных малышей. Там таких оперировать пока не берутся.

Нас спрашивают, можно ли переводить деньги в Томск, «но не конкретному ребенку, а „на поток“, чтобы операций делалось больше и больше, или лучше адресно?» Есть также предложение помощи тем сердечникам, кому «не найдется места в газете». Можно и так и так, но лучше все-таки помогать адресно. Это дисциплинирует всех: РФП, врачей и бухгалтеров кардиоцентра. Мы договорились с Томском и готовы по первому вашему требованию предоставлять всю необходимую информацию.

Есть вопросы о других программах РФП. Отвечаю: в области платной медицины это хирургическая помощь детям и подросткам со сколиозами в Новосибирском НИИТО; это лечение детских церебральных параличей в Институте медтехнологий при содействии Российского научного центра акушерства и гинекологии; это программа «Почка от мамы», призванная помочь детям после трансплантации родственной почки в Российском научном центре хирургии. Есть также программы помощи в оплате челюстно-лицевых операций и лечения онкобольных детей.

Спрашивают нас и о том, как помогать детдомам и не остаться в дураках. Мы публикуем просьбы детдомов и систематически проверяем целевое использование пожертвований. Если у вас есть конкретные предложения — шлите, обсудим.

Теперь об анонимности ваших пожертвований и «пиаре на благотворительности». РФП понимает чувства и безоговорочно поддерживает желание большинства читателей оставаться анонимными донорами. Но мы также приветствуем и готовы помогать всякому, кто хотел бы делать пиар своей компании на ее собственной филантропии в рамках программ РФП. Дело вкуса, но нет ничего зазорного в таком пиаре, потому что не может быть зазорным упоминание в печати имени человека или фирмы, которые спасли хотя бы одного больного ребенка. А вы спасли сотни и тысячи детей.

Правда, есть, оказывается, и еще проблема, не нравственного, а делового толка. Мне открыл ее пресс-секретарь одной важной персоны. По его словам, если компания пиарит себя помощью горбатым девочкам, то это негативно скажется на ее деловой репутации: «Горб для репутации — это априори не то».

По-моему, это заявление пиарщика на самом деле есть дичь и непрофессионализм. Полмира знает, что такое сеть закусочных «Макдональдс». Полмира там питается. Между тем «Макдональдс» помогает онкобольным детям, кстати, и российским тоже. В Нью-Йорке я был в гостинице для таких детей со всего мира. Они отлежали свое в больницах и теперь лечились амбулаторно. Достаточно предъявить гостиничному менеджеру справку от врача (!) о том, что ребенок из малоимущей семьи, чтобы мама и малыш получили номер на многие месяцы. В номере помимо обычного набора услуг есть компьютер с играми и интернетом. К услугам семьи, как и еще восьмидесяти таких же, здесь игровые залы и зимние сады. Содержание гостиницы обходится в $10 млн в год. На три четверти это пожертвования, которые собирает «Макдональдс», а остальное вносит его фонд. У этой гостиницы солидное крыльцо с легким навесом. По окольцу навеса крупно выведено название фонда этой компании. Фонд, если кто не знает, называется Ronald McDonald House — Дом Рональда Макдональда. По-моему, вот это и есть высший пилотаж пиара.

К счастью, идея совместных даров вам понравилась. Так, один из московских банков сообщает, что «готов активно поучаствовать». Один международный благотворительный фонд полагает, что ему выступить в качестве донор-партнера «было бы весьма удобно, потому что это позволяет гарантированно и с минимальными затратами помогать российским детям, что входит в наши уставные цели». Мы сейчас в переговорах с этими организациями и в новом году, рассчитываю, стартуем вместе. И мы по-прежнему открыты для новых партнеров и проектов.

Звуки существуют

Но не все дети знают об этом

Если бы было оборудование, остаточный слух детей можно было измерить и подобрать для каждого громкость и частоту. И научить неслышащих детей говорить, читать и писать по звуку, как слышащих. Но оборудования нет ФОТО ВАСИЛИЯ ШАПОШНИКОВА

В Тамбове закрылся детский сад для неслышащих детей. Это был единственный такой детский сад на всю область. Там детей учили играть в игры, смотреть на воспитателя и произносить наугад первые обрывки слов. Без этих навыков дети не могут начать учиться в школе. Тогда при Тамбовской школе-интернате создали подготовительные группы и готовят в них детей, хотя для этого нет необходимого оборудования.

«Понимаешь,— говорит директор Тамбовской школы-интерната для неслышащих детей Петр Клишин.— Если детского сада нет, то всю нашу школу можно закрывать. Дети же не подготовлены. Если бы они хоть раз услышали хоть что-нибудь, хоть автомобильный гудок, они бы знали, что когда учитель заставляет губы складывать и дуть, он пытается добиться, чтобы ребенок произнес звук „у“. А дети не знают. Откуда им знать?»

Петр Егорович ведет меня по школе на экскурсию и с гордостью показывает шесть стеклопакетов, которые удалось раздобыть как-то, спасибо добрым людям, и вставить в окна детских спален. С еще большей гордостью показывает крышу. Я был здесь три года назад. Я писал, что в крыше дыры. Теперь крыша новая.

Петр Егорович заводит меня в старшие классы и представляет меня детям. Вот, дескать, человек, который помог нам отремонтировать крышу. Дети говорят мне спасибо. Они не слышат своих слов благодарности, но знают, что я слышу. А 14-летние мальчик и девочка вызываются прямо сейчас, в классе, станцевать в мою честь танец. И танцуют в полной тишине вальс. Музыки нет, но они все равно не услышали бы музыки, но они знают, что музыка существует.

Мы аплодируем детям, чтобы они видели руки, а Петр Егорович продолжает рассказывать. «Понимаешь, и вот поэтому мы решили создать при школе подготовительные группы. Я вышел с таким предложением. Начальство согласилось. Велели, ну там, подготовить документацию, понимаешь. Это же не просто так — создать дошкольную группу. Надо по санитарным нормам низкие рукомойники поставить, унитазы маленькие, еще много чего. Шесть новых штатных единиц должно быть. В департаменте образования думали, что мы года через два сможем открыть подготовительные группы, но мы за лето все сделали. Сантехнику своими руками поставили вместе с ребятами. Обязанности распределили между имеющимся уже персоналом. Завуч у меня детишек переодевает. Ждать же нельзя, понимаешь. Если подготовительной группы не будет, дети, которым сегодня пять лет, на следующий год в школу не пойдут, так же нельзя».

В Тамбовской школе-интернате для неслышащих детей не хватает персонала для подготовительных групп. И нет необходимого для подготовительных групп оборудования. Но сами группы уже есть. Мы идем сначала в младшую.

Там игра такая. На столе у педагога стоят игрушки — мишка, собачка, машинка и мяч. Дети зажмуривают глаза, педагог убирает со стола одну из игрушек и хлопает в ладоши. На самом деле надо было попросить детей открыть глаза в специальный микрофон через специальные наушники, усиливающие звук настолько, чтобы докричаться до остатков слуха. Но микрофонов нет, и наушников нет тоже. Дети открывают глаза по хлопку, не слышат хлопка, но чувствуют телом вибрацию воздуха. Теперь они должны назвать исчезнувшую со стола игрушку. Они все правильно показывают жестами на мишку, но надо назвать. Самая бойкая девочка Катя, старательно повторяя артикуляцию педагога, выговаривает: «Ми». Если было бы оборудование, то она знала бы слово «мишка».

Мы идем в старшую подготовительную группу. Там игра такая. Дети должны бросать друг другу мячик, пока звучит музыка, а когда музыка прекратится, тот, кто оказался с мячом в руках, должен обежать круг по комнате. Эта игра кажется детям веселой. Самая бойкая девочка Вика очень хочет обежать комнату с мячиком в руках. Передавая мячик, Вика внимательно следит за руками педагога. Педагог играет на пианино, и Вика думает, что кидать мячик надо до тех пор, пока руки педагога движутся, а бежать надо тогда, когда руки педагога остановились.

Если было бы оборудование, Вика знала бы, что музыка существует. Если было бы оборудование, остаточный слух каждого ребенка можно было измерить и для каждого ребенка индивидуально подобрать не только громкость, но и частоту звука, которую ребенок способен расслышать. Можно было бы учить неслышащих детей говорить, читать и писать по звуку, как слышащих. Но оборудования нет. В тех нескольких приборах, которыми все же располагает школа, старые провода. Вместо речи дети слышат в наушниках треск.

Они думают, что речь — это потрескивание.

ВАЛЕРИЙ ПАНЮШКИН

Для оборудования детсадовской группы в Тамбовской школе-интернате для глухих детей требуется еще 543 139 руб.

«Если ребенок не слышит речи,— рассказывает директор московского центра реабилитации неслышащих „Отофон“ Ольга Смирнова,— у него нет потребности в речевом общении. Поэтому первая и главная задача — создать ему условия, чтобы слышать себя, близких и заинтересоваться звуками».

Три года назад именно госпожа Смирнова написала в Российский фонд помощи о бедственном положении Тамбовской областной общеобразовательной школы-интерната для глухих детей. После публикации в „Ъ“ компания «М.Видео», журналисты РТР и другие читатели „Ъ“ помогли отремонтировать этот интернат. А местные власти включили его в президентскую программу компьютеризации учебных заведений, и теперь интернат имеет компьютерный класс.

Сейчас педагоги интерната вместе с госпожой Смирновой просят наш фонд о помощи в организации первой детсадовской группы. Требуются диагностические приборы: клинический аудиометр со встроенным термопринтером AC40, а также импедансный аудиометр AT235h. Они обойдутся в 404 909 руб. Еще крайне нужны современные цифровые слуховые аппараты для семи дошколят: Веры Марковой, Димы Попова, Кати Казанковой, Вадика Шматова, Дениса Юшина, Влада Трегубова и Володи Раковского. Аппараты для этих малышей обойдутся еще в 465 980 руб. Это с учетом скидок, которые нам любезно предоставила датская компания «Отикон». А партнер фонда центр «Отофон», как всегда, с благодарностью примет вашу помощь тамбовцам в любом размере. И, как всегда, мы рассчитываем на помощь компании «Ингосстрах». По договору с фондом она ежемесячно добавляет в подобные акции по $11,5 тыс. Таким образом, недостает еще 543 139 руб.

Банковские реквизиты «Отофона» и счет на каждый прибор и каждую пару слуховых аппаратов можно получить в фонде.

Экспертная группа Российского фонда помощи

Из свежей почты

Илья Веселов, 17 лет, врожденный порок сердца, стеноз легочной артерии, необходима операция. 198 196 руб.
Внимание! $2500 внес фонд «Русский дар жизни», США (подробности на сайте www.rusfond.ru). Не хватает 127 021 руб.

В полгода у Илюши в сердце врач услышала шум, в кардиоцентре у сына нашли сложный порок сердца — тетраду Фалло: дефекты межпредсердной и межжелудочковой перегородок, стеноз легочной артерии. Оперировать боялись, маленький и слабый был мальчик. К трем годам губы и ногти посинели. При ходьбе Илья задыхался и падал на колени. В шесть лет расширили легочную артерию. Полегчало, но ненадолго. Тогда сделали радикальную коррекцию порока на открытом сердце. А артерия опять сузилась! И сейчас одышка и синюшность вернулись. Планируют операцию на открытом сердце, да вот беда: сперва надо оплатить протез-кондуит. Это очень большие деньги, нам не по силам. В поселке работы нет. Мой муж — мастер на химзаводе (10 тыс. руб.), я безработная, а Илья школьник. Пожалуйста, помогите вылечить сына! *Наталья Веселова, Томская область*

Ведущий специалист НИИ кардиологии НЦ СО РАМН Сергей Иванов (Томск): «После радикальной коррекции сохранились сброс крови и периферические стенозы легочной артерии. В те годы эти пороки были неустранимы. Сейчас тянуть с операцией нельзя. Надо вшить искусственную артерию, кондуит. Илья вырос, можно ставить взрослый протез».

Алексей Ли, 32 года, инвалид 1-й группы, полный паралич, нужен электроподъемник. 132 904 руб.

Узнав о вашем фонде, я не поверил, что вот так просто читатели „Ъ“ помогают незнакомым. Но ваш сайт www.rusfond.ru поподробней газеты, и благородство ваших читателей производит сильное впечатление. Напечатайте, пожалуйста, и мое письмо. Восемь лет назад я попал в аварию. В темноте не заметил, что мост разобран, а дорожных знаков не было, вот и улетел в овраг. Врачи сказали, что с диагнозом «полный разрыв спинного мозга» я больше двух месяцев не протяну. Но я выжил и вот борюсь. Научился сидеть и держать спину. Ем привязанной к руке вилкой. Научился управлять компьютером, печатаю мизинцем. Заочно поступил в гуманитарную академию, уже на четвертом курсе юрфака и надеюсь найти работу. Все, что мне нужно, это сидеть у компьютера. Но пересаживаться с кровати на коляску не могу: руки слабы. При росте 190 см вешу около 100 кг. Родители за эти годы окончательно подорвали здоровье (мама перенесла онкооперацию, у отца оперирован кишечник), им теперь нельзя поднимать тяжести. Мне нужен электроподъемник, но он дорог, а мы живем на пенсии. *Алексей Ли, Тверская область*

Замдиректора Центра соцобслуживания Ольга Козлова: «Алеша не падает духом, учится, хочет стать полезным. Родителям не под силу его поднимать, а он не может все время лежать. Мы тоже не в состоянии помочь ему с покупкой подъемника».

Мурад Мамедов, 5 лет, послеожоговые рубцы мягких тканей лица, требуется комплексное лечение. 89 тыс. руб.

Семья моего брата приехала сюда на заработки. Сняли домик, а когда все спали, раздался взрыв, и начался пожар. Нам сказали, была утечка газа. Брата и маленького Мурада спасли пожарные, а его жена с четырехлетней дочкой погибли. Брат после больницы вернулся домой, в Азербайджан. Работать не может, его содержит наша мать. Мурада оставил нам, сказал: «Я не смогу его вылечить». И я стала опекуном племянника. Он в тяжелом состоянии: на лице и руках ожоги четвертой степени. Когда опасность для жизни миновала, сделали шесть операций: на лицо пересаживали кожу с ног, на руки — с живота. Убирать рубцы и шлифовать кожу посоветовали в Москве. 20 тыс. руб. собрали соседи, помогла и соцзащита. Сумели убрать лишь несколько рубцов. И надо нарастить сухожилие на руке. Мурад очень общительный, но дети от него шарахаются, он переживает. Мы сделали все, но больше денег нет. Я не работаю, своих детей трое. Муж был милиционером, а теперь сам инвалид. Помогите, пожалуйста! *Мерибхан Гасанова, Краснодарский край*

Руководитель Центра детской челюстно-лицевой хирургии Виталий Рогинский (Москва): «Хирургическое лечение рук, рубцов на лице и деформации ушных раковин займет два-три года. Но результаты позволят мальчику адаптироваться в обществе».

Вика Нарежняя, 10 лет, прогрессирующий сколиоз 4-й степени, спасет срочная операция. 109 940 руб.

Моя племянница Вика — инвалид с врожденным сколиозом. Ее мама (моя сестра) заметила еще у двухмесячной Вики странно перекошенную спинку. Саратовские ортопеды назначили массаж и гимнастику, но консервативные меры не помогли. Сколиоз повлиял на сердце, у Вики тахикардия. Одно легкое ослабло, Вика задыхается. Я программист в райбольнице, через интернет вышел на сайт вашего фонда, а там и на Новосибирский НИИТО. Нам рекомендовали операцию с применением металлоконструкций. Но выставленный счет за конструкцию и медуслуги так велик, что у нас в селе это нереально! Здесь же безработица. Сестра швеей на фабрике получает 2500 руб. Ее муж огороды людям копает, машины чинит, но доход это мизерный и редкий, а у сестры еще Вероника восьми лет. Очень прошу вас помочь. Без операции ребенок погибнет. *Алексей Сербин, Саратовская область*

Заведующий отделением Новосибирского НИИТО Михаил Михайловский: «Это самый тяжелый вариант сколиоза, сверхранний. Без операции девочке гарантирована тяжелая и недолгая жизнь, грубое искривление туловища, боли. Мы можем помочь».

Марат Цыпорин, 4 года, поражение центральной нервной системы, срочно требуется курсовое лечение. 130 тыс. руб.

Я уехала в Израиль за любимым человеком и родила прелестного малыша. А вскоре, после прививки, я заметила задержку психомоторного развития, но врачи отмахнулись: реакция-де на прививку. В полгода Марат оглох и ослеп, он таял на глазах: перестал глотать и похудел. Пенсию дали, но мой сыночек медленно умирал. И мы вернулись в Пермь. Там нам диагностировали атрофию коры головного мозга, восстановили глотательный рефлекс. Когда заподозрили генетическую болезнь, муж сбежал. Пенсию Израиль перестал платить. В Москве наследственные мотивы исключили, но как лечить Марата? Я заняла денег на два курса в Институте медтехнологий, и вот чудо: Марат активно реагирует на окружающий мир, слышит, видит свет, пытается говорить и ходить. Надо еще восемь курсов. На коленях умоляю: помогите! Мы выкарабкаемся, мы сможем! *Наталья Цыпорина, Пермская область*

Замдиректора Института медтехнологий Ольга Рымарева (Москва): «Тяжелый ребенок с атрофией зрительных нервов, судорожным синдромом и астенической формой ДЦП. Эта форма лучше всего поддается нашему лечению. Уверена, он сможет себя обслуживать и социально адаптируется».

Реквизиты авторов и поставщиков услуг есть в фонде.

Катя и Наташа получили почки своих родителей

25 октября 14-летней москвичке Наташе Кудрявцевой пересажена почка от ее отца Сергея. А накануне ее сестре, 8-летней Кате, проведена точно такая же операция, в которой донором выступила мама девочек Ольга Кудрявцева. У сестер отказали почки, „Ъ“ рассказал об этом 30 сентября. В результате обе трансплантации оплачены читателями (922 950 руб.) и успешно проведены в Российском научном центре хирургии (РНЦХ, Москва).

Семья Кудрявцевых после двух успешных трансплантаций, оплаченных читателями „Ъ“, готовится к выписке домой ФОТО ДМИТРИЯ ЛЕБЕДЕВА

На самом деле читатели собрали даже больше. На «излишки» (334 494 руб.) РНЦХ приобрел 15 флаконов препарата АТГ для Миши Карпенко (8 лет, острая почечная недостаточность, Курская область) и диализный двухпросветный катетер с манжетой (ASPC-28-2E) для Лады Фрунку (6 лет, почечная недостаточность, Нижегородская область).

И о других добрых делах.

Оплачены: операции по поводу врожденных пороков сердца в Томском кардиоцентре томичам Лиане Медведевой (3 года, 186 600 руб.), Насте Лобастовой (2 года, 186 600 руб.), Юле Косолаповой (1 год, 151 196 руб.), Насте Грибовой (9 лет, 186 600 руб.); операции по поводу сколиоза Зареме Базгутдиновой (24 года, 199 703 руб., Башкирия), Ирине Осинцевой (15 лет, 173 060 руб.); эндопротезирование тазобедренных суставов новосибирцам Сергею Пальчикову (18 лет, 141 682 руб.) и Олесе Кононевич (17 лет, 139 336 руб.); лечение детского церебрального паралича Матвею Кортунову (5 лет, 163 500 руб., Тюменская область), москвичам Коле Горбачу (2 года, 130 000 руб.) и Кристине Подиной (3 года, 245 000 руб.); операция по поводу несросшегося перелома руки Аюне Лудыповой (26 лет, 49 889 руб., Читинская область).

Отправлено: 536 640 руб. на операцию в германской клинике Даше Леглер (2 года, врожденный порок мочеполовой системы, Москва); 317 000 руб. на челюстную операцию Олегу Безотосному (9 лет, Воронежская область). Этих денег хватит на операции еще трем пациентам Московского центра челюстно-лицевой хирургии: Вале Беловой (15 лет, Московская область), Славе Карпенко (15 лет, Приморский край), Володе Авдееву (14 лет, Самарская область); 227 871 руб. на медпрепараты Диме Грицунову (17 лет, острый лейкоз, Санкт-Петербург); 177 083 руб. на слуховые аппараты для Миланы Челпановой (4 года, Архангельская область), Олега Таджибаева (11 лет, Башкирия), Ксюши Вяткиной (4 года, Оренбургская область); три вещевые посылки и 43 900 руб. Вере Серегиной (36 лет, безработная, двое детей, Ярославская область) на обувь, дрова на зиму и сено для коровы; 20 728 руб. на инвалидную коляску «Крошка Ру» Евгении Чачиной (28 лет, инвалид I группы, Воронежская область).

Помогли: благотворительный фонд «Русский дар жизни» (Нью-Йорк, США), Виктория от руководителя, фирма «Бэскит», Любовь от руководителя, Юрий, Лариса от руководителя, Андрей, Дмитрий, Алексей, Дмитрий Анатольевич, Виктор (все — Санкт-Петербург), Константин Аристархов, Илья Валерьевич (оба — Новосибирск), Александр Александрович (Екатеринбург), Сергей Павлович, Светлана Григорьевна (оба — Пермская область), ОСАО «Ингосстрах», ЗАО «ТЗК Шереметьево», фонд «Созидание», Светлана от компании, Михаил и Оксана, Руслан, Андрей Вадимович, Андрей Сергеевич, Марк Анатольевич, Владислав, Аркадий Олегович, Юлия от руководителя, Борис, Ольга, Максим, Инга, два Игоря, две Анны, Александр Анатольевич, Григорий, семья Липатовых, две Татьяны, Константин, два Андрея, Надежда, Эдуард, Эмиль, Марина, Нина, Елизавета, два Александра, два Дмитрия, Петр, две Оксаны, Ирина, две Екатерины, Виктор Витальевич, три Елены, Марина Викторовна, Евгений, Валентин Иванович, Валерий Геннадьевич, Павел, Ираклий, Алексей, Светлана и Александр, Анна и Николай, Елена Валерьевна, Елена Анатольевна и коллеги, Евгения, Виктор, Олег, Виктория, Мария, Вера, Рита и Константин, Виталий, Александр и Ольга (все — Москва). Спасибо!

ЛЕВ АМБИНДЕР, руководитель Российского фонда помощи

Для тех, кто впервые знакомится с деятельностью Российского фонда помощи

Российский фонд помощи создан осенью 1996 года для помощи авторам отчаянных писем в «Коммерсантъ». Проверив письма с помощью местной власти, мы публикуем их в „Ъ“, журнале «Домовой» и на сайте www.rusfond.ru. Решив помочь, вы получаете у нас реквизиты авторов и дальше действуете сами. Деньги через нас не ходят. Мы просто помогаем вам помогать. Читателям затея понравилась: всего собрано $9 млн. Мы организуем и акции помощи в дни национальных катастроф: 53 семьям погибших горняков шахты «Зыряновская» (Кузбасс), 57 семьям сгоревших самарских милиционеров, 153 семьям пострадавших от взрывов в Москве и Волгодонске, 118 семьям моряков АПЛ «Курск», 52 семьям погибших заложников «Норд-Оста», 39 семьям погибших 6 февраля 2004 года в московском метро, 100 семьям пострадавших в Беслане. Фонд — лауреат национальной премии «Серебряный лучник».

Адрес фонда: 125252 Москва, а/я 50;
www.rusfond.ru; e-mail: rfp@kommersant.ru.
Телефоны: (095) 943-91-35, 158-69-04 (тел./факс).

Страница подготовлена при содействии благотворительного фонда «Помощь».